

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Улики горят
синим
пламенем

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 47

Оформление серии *А. Старикова*

Леонов, Николай Иванович.

Л 47 Улики горят синим пламенем / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (МУРу — 90 лет. Лучшие романы Н. Леонова).

ISBN 978-5-699-77678-8

В Москве происходят массовые поджоги автомашин. Полковники Гуров и Крячко, может быть, и не занимались бы этим делом, но сначала сгорает дотла роскошный «Мерседес» известного предпринимателя Ставрогина, а затем в очередных сгоревших автомобилях начинают находить обугленные трупы. Дело взято под самый высокий контроль, и сыскари понимают, что результат должен быть во что бы то ни стало. В ходе розыска Гуров выясняет, что к делу каким-то боком причастен супердорогой проект «Бриллиантовый гектар», в котором не последнюю роль играет все тот же Ставрогин...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонова О.М., 2014
© Макеев А., 2014
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-77678-8

Пролог

Особняк Мурада Чингизовича Джавдетова стоял в глубине столичного лесопарка Олений Бор. Парк был огромный, запущенный и неухоженный. В сотне метров от входа заканчивался асфальт, еще через пару сотен метров обрывались грунтовые дорожки и тропинки. Дальше болотистая почва не пускала даже самых любопытных. Да и заблудиться в лесных дебрях было легче легкого.

Впрочем, сквозь чащу была проложена ухоженная асфальтированная трасса. Она вела в глубину лесопарка, где за глухими заборами прятались несколько узковедомственных больниц и пансионатов для слуг народа, а также скрывались какие-то совсем секретные заведения. Одним из самых секретных объектов был особнячок Мурада Чингизовича.

Площадь участка Мурада была «небольшой», гектаров двадцать — двадцать пять. Меньше, чем у Московского Кремля. Место тихое, не Рублевка какая-нибудь, с ее чиновно-звездным населением и докучли-

выми журналистами. Здесь, в чаще, Мурад Чингизович чувствовал себя не в пример спокойнее. Да и к центру поближе. Москва все-таки.

Проникнуть к нему было непросто. Участок огораживала сплошная бетонная стена. По верху ее змеились витки колючей «ежовы» и тянулись струны — проволока под током высокого напряжения. Кое-где над забором торчали вышки — там дежурили вооруженные до зубов охранники. Их коллеги патрулировали территорию пешком и на квадроциклах. Ходили слухи, что буквально каждый клочок земли Мурада простреливается перекрестным пулеметным огнем.

Как всегда, среди окрестной братии нашлись и такие, которые слухам не поверили и решили сами во всем убедиться. Сначала, как полагается, выпили, потом полезли. Через неделю их изуродованные трупы обнаружили в верховьях Гнилого оврага. Милиция списала их гибель на несчастный случай. Больше желающих проверять систему охраны Мурада не находилось.

Сам особняк Мурада архитектурой напоминал средневековый готический замок. Башни, стены с зубцами и узкими бойницами. Внутреннее убранство помещений соответствовало внешнему виду. Особую гордость владельца вызывал Рыцарский зал. Он был огромный, мрачный, с резным сводчатым потолком и темной мебелью из ореха и мореного дуба. В соответствии с названием

зал был заставлен рыцарскими доспехами, пешими и конными. Из общего стиля выбивались разве что аквариумы.

Аквариумов было много. От небольших шарообразных, литров на двадцать-тридцать, до серьезных — на пятьсот литров, сделанных из силикатного и акрилового стекла. Аквариумы в форме панорамной линзы, аквариумы-колонны, аквариумы-картины в раме, аквариумы-шкафы, отделанные ценными породами дерева. Мерцающая подсветка аквариумов еще больше придавала залу загадочности и таинственности.

В этот ненастный апрельский вечер Мурад принимал в Рыцарском зале важного гостя. Гость был довольно молодой, но весьма солидный, с бородкой-эспаньолкой, высокий, полный и красивый. Звали его Николаем Всеволодовичем Ставрогиным.

Собеседники уже пообедали и теперь, развалившись в «ушастых» чиппендейловских креслах, вели неспешную беседу, покуривали трубки и потягивали коньяк из подогретых пузатых бокалов.

— Поверьте, уважаемый Мурад, дело это верное и очень выгодное, — вкрадчиво говорил гость. — Если Остоженку называют «Золотой милей», то Воронцовка станет милей «Платиновой», а то и «Бриллиантовой». И не милей, а гектаром. «Бриллиантовый гектар». Как вам такое название?

— Только один гектар? — разочарованно переспросил Мурад.

Николай Всеволодович вкрадчиво улыбнулся:

— Ну что вы, это просто фигура речи. Площадь участка составляет не один гектар, а что-то около двадцати. И эта территория находится в границах Садового кольца, с выходом на набережную Яузы. Но и вложения, сами понимаете, потребуются астрономические.

Хозяин напряженно засопел:

— А проблемы с точечной застройкой, с жильцами? Их же расселять придется!

Гость усмехнулся:

— Какая точечная застройка, какие жильцы? Вся прелесть в том, уважаемый Мурад, что там нет никаких жилых домов. Только цеха, пустыри, конторы и склады. Такого добра в центре Москвы еще предостаточно. Так что дело придется иметь не с толпами разъяренных жильцов, а с отдельными хозяйствующими субъектами. Ну а к этой публике ключик у нас давно подобран. Главная проблема не они, а наши конкуренты. И главная задача — подмазать Вишневого. Если он вдруг рогом упрется или враги перекупят, тогда пиши пропало. Поэтому денег понадобится очень много. Но, повторяю, расходы окупятся тысячекратно. Представляете? Поселок особняков в десяти минутах ходьбы от Кремля! Вся проблема в деньгах. Точнее — в их количестве.

Хозяин особняка воздел руки к невидимому во мраке потолку и принялся стенать:

— Э, деньги! Мурад за все готов платить и всегда платит! Деньги все берут, никто не отказывается. Только говорят: мало, еще давай! А ведь деньги просто так с неба не сыплются. Их тяжелым трудом зарабатывать приходится. Причем годами. А потерять можно в одну секунду. Что за жизнь — сплошные стрессы...

Мурад поставил бокал, неуверенно потер подбородок и внимательно посмотрел на гостя. Незаметно для себя он перешел на «ты»:

— Так ты точно говоришь, что дело верное? Это хорошо. Я не люблю авантюры. Ты знаешь, у меня уже два инфаркта было, мне волноваться никак нельзя. Кстати, ты как стресс снимаешь?

Ставрогин недоуменно пожал широкими округлыми плечами.

— Ну, у меня есть психоаналитик. Алкоголем тоже неплохо, — он покачал перед носом темную жидкость в бокале.

При упоминании о психоаналитике Мурад презрительно поморщился. Алкоголь, как средство от стресса, мысленно одобрил.

— Знаешь, многие идиоты таблетки пьют, — с возмущением произнес он. — Тра... транк...

— Транквилизаторы? — подсказал гость.

— Именно. Это же чистая наркомания. Безобразие, честное слово! А вот я только рыбками и спасаюсь. Экологически чистое средство. Что бы я без них делал? Люблю с

ними пообщаться: покормить, понаблюдать. Очень успокаивает. Рекомендую. Черчилль, между прочим, тоже так делал.

Николай Всеволодович поставил бокал и замахал руками.

— Да о чем ты говоришь, какие рыбки? У меня на это ни времени, ни денег нет.

Мурад сделал удивленное лицо:

— Я совсем тебя не понимаю. Какие деньги?

— Так рыбки-то денег стоят. И, наверно, немалых, — пояснил гость.

Хозяин не согласился:

— Э, разве в цене дело? Главное — живые! Они плавают, а ты за ними наблюдаешь и расслабляешься. Дорогие, дешевые — какая разница! У меня тут и простые меченосцы, и гупяшки есть. Ну, конечно, и редкие экземпляры имеются. Пойдем, покажу.

Хозяин снова наполнил бокалы коньяком и встал с дивана. Гость поневоле последовал за ним. Мурад остановился у большого, стилизованного под антикварный шкаф, аквариума с шустрыми рыбками и заговорил с нескрываемым восторгом:

— Вот, гляди, это сиамские петушки. Все время дерутся. Даже за самками так ухаживают. Гоняют по всему аквариуму. Очень смешно, совсем как у людей. Бьют — значит, любят.

Они прошли дальше, к большому шару, в котором резвились золотистые рыбки с вертикальными черно-красными полосками.

— А это суматранские барбусы, — продолжал рассказывать хозяин. — Тоже хулиганы. Посадил их сначала с вместе золотыми рыбками — по цвету; так они, мерзавцы, им тут же вуаль обкусали. А те, хоть и дешевые — по полста баксов, — но тоже жалко. И, опять же, фэн-шуй, наука такая, говорит, что золотые рыбки благоприятно влияют на бизнес, так что надо их беречь.

В соседнем аквариуме медленно плавали плоские круглые рыбы размером в ладони. У одних чешуя была красной, у других — оранжевой.

— Это уже серьезнее — дискусы, — с гордостью объявил Мурад. — Священные рыбы золотого тельца. И цена соответствует. По тонне баксов за штуку.

Но внимание Ставрогина привлек другой аквариум, где медленно шевелило плавниками крупное чудовище в форме толстой сабли с неприятным отростком на губе.

— А это что за урод?

Хозяин расплылся в радостной улыбке:

— Я знал, что ты спросишь! Это аравана — древнейшая рыба на свете. Рыба-дракон. У себя, в Южной Америке, они даже птичек глотают. Что интересно, мальков отец вынашивает во рту. Всего несколько штук. Чтобы их добыть, приходится отрубать ему голову. Там, дома, взрослых рыб для безопасности снабжают специальными чипами. А за попытку нелегального вывоза навешивают приличный срок. Один малек

красной араваны несколько тысяч баксов стоит.

Гость не разделил восторгов хозяина. Древняя аравана, жрущая птичек на далекой Амазонке, ему определенно не понравилась.

— Сейчас модно держать в аквариуме акул, — заметил он.

Мурад замотал головой:

— Акулы? Нет! Никогда! Во-первых, я за модой не гонюсь. А во-вторых, это же хищники! Не люблю хищников. Они суетятся все время. На месте стоять не могут, все время мотаются туда-сюда, туда-сюда. И зачем мне за мои же деньги смотреть на их беспокойство? Рыбки должны успокаивать, а не наоборот. Нет?

Николай Всеволодович кивнул.

— Согласен. Когда я был маленький, у моего соседа был аквариум. Я тоже любил понаблюдать за рыбками, покормить. Часами мог смотреть...

Он автоматически посмотрел на свои часы. Мурада они сильно заинтересовали.

— Большая редкость, — объяснил Ставрогин. — Сделаны из металла, поднятого с «Титаника». Подарок друзей. Говорят, на двести штук баксов потянут.

Тут, словно понимая, что речь зашла о часах, большие башенные куранты в углу зала мелодично заиграли «Интернационал».

■ Мурад засуетился:

— Вот, слышал звон? Время кормить рыбок. Я это всегда делаю в одно и то же время. Очень, знаешь ли, успокаивает.

Он раскрыл дверцы большого орехового шкафа, стилизованного под семнадцатый век. Полки его были уставлены разными банками с какой-то сыпучей дрянью. Во всяком случае, из шкафа ощутимо несло сушеным навозом.

Ставрогин с волнением следил за священнодействием любителя-аквариумиста. Тот отмерял из известных ему одному склянок порции вонючих смесей и сыпал то в один, то в другой аквариум. Николай Всеволодович не без трепета ждал, когда дело дойдет до живых птичек для мерзкой араваны. Наконец, устав от нетерпения, прямо спросил об этом Мурада.

Тот в ответ только рассмеялся:

— Э, какие птички, слушай! Мурад кто — зверь? Нет, аравана у меня тоже специальным белковым кормом питается. Мурад никого не убивает! Даже птичек.

В этот момент двери зала неслышно приоткрылись. К хозяину осторожно подошел начальник его охраны и что-то тихо сказал на ухо.

Лицо Мурада страдальчески искривилось.

— Ладно, давай его прямо сюда, — с печальным вздохом сказал он телохранителю и виновато посмотрел на гостя: — Извини, дорогой, дела. Нигде покоя нет!

Начальник охраны извлек коробочку рации и негромко произнес:

— Введите.

Двери в зал распахнулись шире. Вошли двое высоких плечистых парней. Ставрогин знал, что зовут их Вахо и Михо. Он видел их всегда вместе, поэтому не смог бы сказать, кто из них Вахо, а кто Михо. Они тащили под руки тощего типа в мятой белой рубашке и черных брюках. Перед хозяином они остановились и отпустили пленника. Тот рухнул на колени и занял:

— Прости, Мурад!.. Я все отдам, клянусь!

Николай Всеволодович внимательно оглядел новое действующее лицо. Поинтересовался:

— А почему он такой худой? У тебя в зиндане что, совсем не кормят?

Мурад обиделся:

— Вах! Зачем так говоришь? Почему не кормят? Его вчера только привезли. Просто он по жизни такой. Ты вот толстый, а он — нет.

Теперь обиделся Ставрогин:

— Я не толстый, я нормальный. Полный, в конце концов. А этот — тощий как скелет. Может, он наркоман или у него глисты?

— Зачем наркоман? Он в карты любит играть, вот его наркотик! Другого не надо.

Тут Мурад вдруг забеспокоился. Он поставил в шкаф очередную склянку, подошел к тощему типу, приподнял его склоненную

голову и заглянул в глаза. Даже веко оттянул.

Наконец он отпустил голову тощего.

— Э, какие глисты, слушай? Нет у него никаких глистов. Просто натура такая — ничего на пользу не идет. Деньги дашь — проиграет, кушать дашь — все в унитаз уйдет. Пустой человек, честное слово!

Он сел и уставился на задержанного. Потом заговорил тихим, проникновенным голосом:

— Э, зачем опять деньги не отдаешь, э? Ты что думал, Мурад — это касса взаимопомощи? Так туда все, что взял, тоже возвращать надо. А ты? Захотел — отдал деньги, не захотел — не отдал. Нехорошо! Мне ведь волноваться вредно. У меня три инфаркта было! Вах!

Он помолчал, потом встал, чтобы вернуться к трубке и коньяку.

— Ну, и что нам с тобой делать? — спросил Мурад не то пленника, не то самого себя.

Тот продолжал скулить, скорчившись на полу:

— Мурад, не убивай! Клянусь, все отдам.

Хозяин сыпал корм в аквариум с вуалехвостами.

— Что «Мурад»? — ворчал он. — Я пятьдесят три года как Мурад, и из них целый год слышу, как ты обещаешь мне вернуть мои деньги. Ты когда их просил, что говорил? «Мурад Чингизович, выручи!» Мамой